

Томара Корвин

С Л У Ч А Й

У меня с соседом общая стена. Я поставил к стене кровать, и он тоже, по ту сторону. Его кровать выходит на юг, моя - на север. Что он был болен, я знал: он кашлял по ночам, не пытаясь заглушить звук. Случалось кашлянуть и мне, но я тотчас поворачивался лицом вниз, в постушку.

Он скрипел дверью; я с силой хлопал утром и еще раз вечером, приля помой.. Один другого мы терпели, не жаловались и не встречались.

В ту ночь он вдруг постучал в стену. Я не спал и услышал сипящее, но явственное: "я умираю!".

Нет, он не сразу умер. Еще много раз, до утра, я менял ему грелки к ногам, и пытался напоить водой, и бегал в будку вызвать скорую, - телефона ни у него, ни у меня не было. Я слушал врача, который, принял меня за родственника, говорил сочувственно и осторожно.. Лежа на спине, он дытился руку и махал в воздухе - я хватался за все, попрягал и не мог упасть: за стол, за шкаф, за слепую репродукцию Дюре-ра над столом - всадники Апокалипсиса, опять за стол, да, стол ему и нужен был, ящик стола, где сверху на груде бумаг лежала большая записная книжка. Я держал ее перед его глазами и переворачивал листки, на конец, он остановил меня: на странице был написан только один адрес и фамилия. Теперь он тыкал пальцем в сторону окна, я понял, там была почта, отправить телеграмму! - и посмотрел на него растерянно: как же я уйду и оставлю его одного? Но он натужился, побагровел, на лбу выступил пот, он захрипел, с ужасной злобой тыча в окно.

Я вцепился в очередь - никогда б так не смог для своей нужды, - но никто не спорил, наверно, у меня был безумный вид; в ту минуту я не подумал даже, что трачу на чужого человека свои деньги. Я не знал, кто ему эта женщина - сестра, дочь, жена; он был стар, чтобы быть сыном живой матери. Я написал "немедленно приезжайте тяжелобольному". "Умирающему" у меня не приняли бы без врачебного сви-

детельства.

Я несся обратно задыхаясь, в поду и-летней пыли, - и донес к его глазам квитанцию: чего я ждал - радости? благогарности? Но ему было уже все равно, и через час он действительно умер.

Об этом мне сказал врач, которого я снова вызвал, думая, что он заснул и потому решившись выйти..

Он-то умер, а я-прополжал суетиться: я сложил листок с подпись-врача и печатью, сунул в карман, побежал к себе за деньгами; потом я опять звонил из буфки по телефону, который долго не отвечал - и этот тоже! Неужели и туда звонят так же наперебой и без конца? Я вернулся к нему и ложился, пока они приедут, - я знал, что не скоро, и вдруг мне стало неловко, что в квартире такой беспорядок. Я бросился убирать, и все делал с тем же суетливым и яростным интересом к-делу. Я вспомнил, что дверь не заперта, пошел и щелкнул замком; я увидел себя в зеркале, она висела у него в прихожей у двери: я был взлохмачен; и я поднял с полу расческу, тоже его, и пригдалил волосы.

Они приехали, я расплатился; гроб стоял на полу, один из них составил две табуретки, я пошел на кухню и принес третью; отстранив меня, они ценивали и поставили гроб. И хоть всякую минуту я не знал, что делать дальше, - как-то я это узнавал, и понимал, что делаю правильно.

Они ушли.

Живого-я его трогал и вороцал с какой-то всепозволенностью: не до церемоний! Сейчас я-постоял над ним минуты две, не решаясь; и со злостью схватил его. Мне было тяжело, я обливался потом, но сделал все как надо - и хотя делал это впервые, я был уверен, что делаю правильно. Потом я открыл окно.

Да, я обретал бесценное уменье, сноровку, - опыт, который похож был на пытку, а пригодился бы мне только для меня самого. Нет, подумал я злорадно, второй раз уж далец о палец не ударю, пусть другой возвится. Хватит отнажлы; а тогда буду лежать как он... тут я спохватился: он лежал, и глаза у него не совсем закрылись, - и это он сейчас на меня

глядел с откровенным влорадством. Конечно! Откуда мне знать, что и когда нужно делать! Но я знал — и про глаза и про че-льсть, в ванной висело полотенце: я знал, только забыл. Я не хотел!

Я замычал, скрипнул зубами. И вдруг выругался — первое слово тихо сквозь зубы, а дальше громче и громче, шире открывая рот, орал все известные мне матерные слова, откуда-то являлись новые. На помощь, еще и еще, я и не подозревал, что их знаю. Никогда еще не исторгались из моего рта такие свободные, сильные звуки, — но я хотел, я всегда хотел кричать и вопить так громко, и такие именно, не иные слова. За стеной наконец-то никого не было, там не было меня самого! — еще немного — я бы начал стучать ногами...

Я схватил себя за голову — руки тотчас сделались мокры, пот тек из-под волос. Я вытер лоб ладонями и тыльной стороной. Я опомнился, очнулся и сел, тяжело дыша, в ногах пустой кровати.

Вдруг я услыхал: далеко внизу хлюпнула дверь, загудел лифт. Мне стало страшно. Я встал, на цыпочках вышел — лифт миновал мой этаж и поднимался выше. Я толкнул ногой свою дверь, которая оставалась незапертой; свет я тоже не погасил. Я постоял на пороге, потом вернулся на площадку и чуть приоткрыл его дверь — на полпальца. Потянул сквозняк, но дверь была тугая и не могла распахнуться.

Я ушел к себе и лег. Но я не заснул. Я боялся шевельнуться, потому что кровать моя скрипела. Я взрагивал и сжимался от всякого звука. Так прошло много времени. В комнате посветлело: начинался рассвет.

И вот лифт, совсем заглохший, зашумел, остановился, дглушительно лязгнув; к соседней двери подошли — совсем рядом со мной; я услышал, как туда позвонили раз, другой, потом молчание; и женский голос произнес: "Боже мой, Боже!", а мужской: "да тут открыто!"

Я совсем забыл про телеграмму, которую сам отправил.

За стеной ходили. Что-то говорил мужской голос, женский молчал. Вдруг я услыхал шаги, тяжелые мужские шаги — возле моей двери, и звук моего звонка. Я замер вцепившись в одеяло; человек у двери нажал звонок и долго не отпускал,

я перестал дышать, меня заливало потом. Наконец, я услышал: он ушел. Он вернулся туда. Через какое-то время за стеной стало тихо.

Я повернулся на бок и заснул — и засыпая ощущал, как слабеют, разжимаются кисти моих рук и пальцы ног, и послегорячими — стиснутые зубы.

Я спал как убитый, очень, очень долго. А когда проснулся, увидел, что на полу валяется скомканная одежда. Я собрал ее, с отвращением касаясь, и бросил в грязное. Пошел в ванную и встал под душ.

Сейчас за стеной никто не живет. Но я знаю — так будет не долго. Давно я успокоился и только корю себя, что с тех приезжих не спросил деньги. Я истратил почти все, что у меня было; пришлось брать в долг, и я во всем себе ограничивал, пока не расплатился. По-моему, остальное я сделал хорошо и правильно; а иной раз мне кажется — я о чем-то забыл.

Я купил транзистор и включаю по вечерам. Ложась спать, я ставлю его возле кровати, он играет тихонько, но у самого уха, так что мне не слышны другие звуки. Я слушаю не выбирая, слушаю даже, когда язык мне непонятен: я уже знаю, что скоро начнется музыка. Я заметил, что музыки в эфире намного больше, чем слов: как будто кто-то так задумал и рассчитал. Или это получилось само собой. Сказав с десяток слов, спешат смыть их музыкой.